

РИНАТ
ВАЛИУЛЛИН

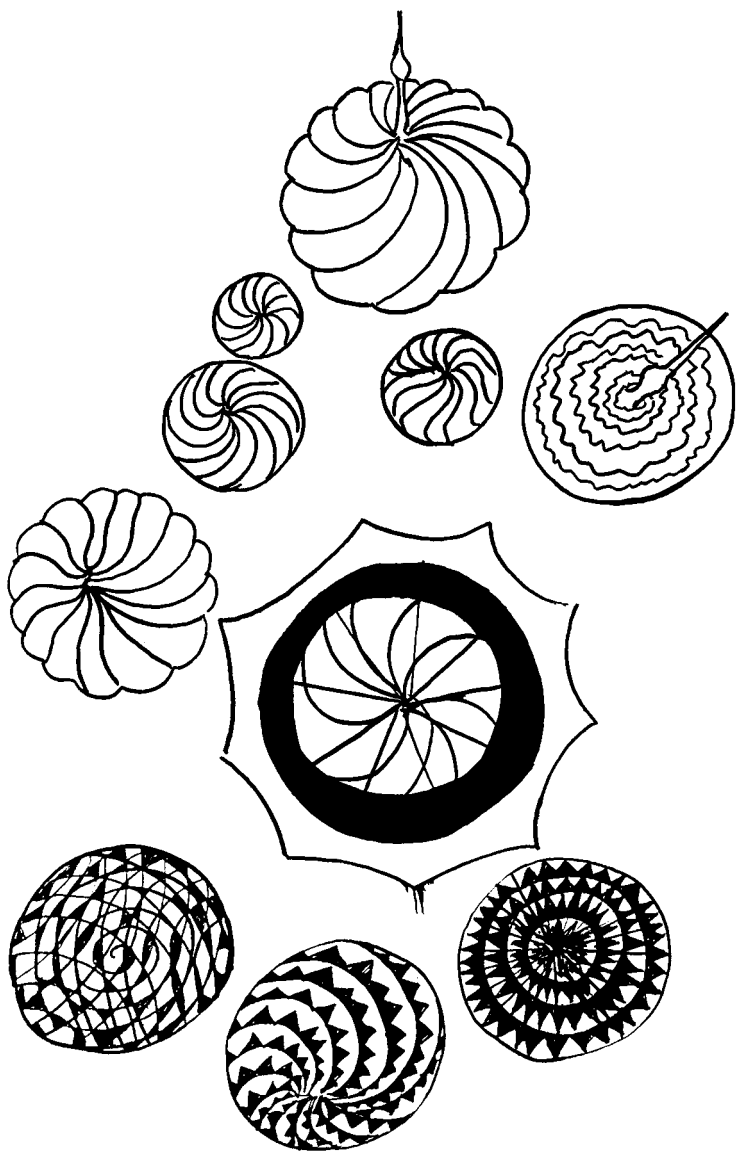

ДЕВУШКА
ПО ИМЕНИ
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

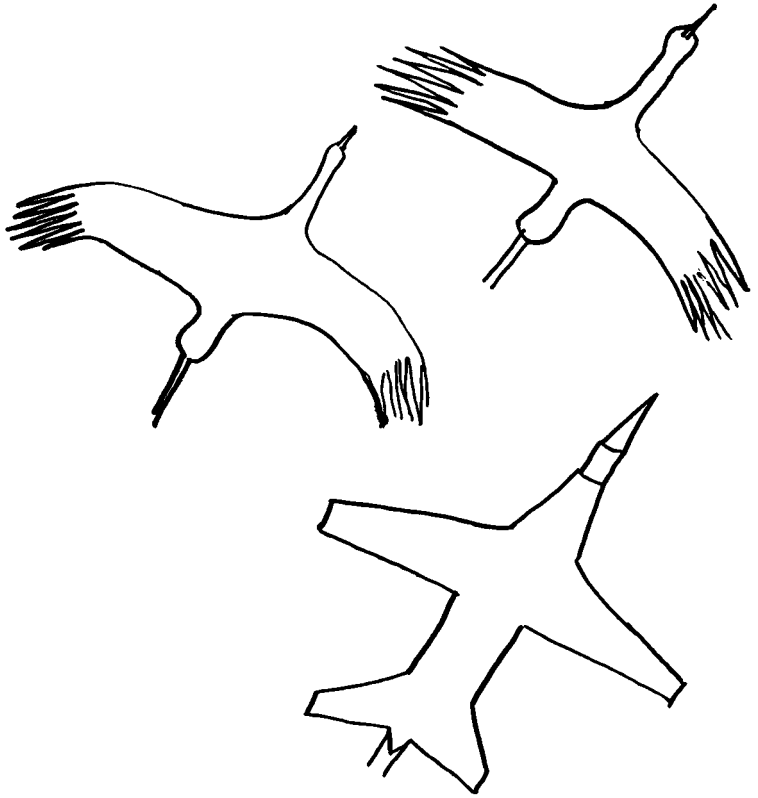
*Весь смысл жизни в радости. Важно, чтобы
твоего детского смеха хватило и на взрослую
жизнь.*

Москва — прекрасная одинокая женщина, которой все приходится делать самой. Работа эта отнимает много сил. С каждым мгновением Москва все отчетливей понимает, что одной ей не справиться, так как поддерживать красоту, недвижимость и независимость все сложнее и дороже — надо искать мужика. Не то чтобы она слишком требовательна, но он должен понимать, что женщина — это не прогулка по городу, это вояж в неизвестную страну, где придется учить иностранный язык, если хочет общаться долго и непринужденно. Женихов у нее достаточно, один другого краше, каждый со своими достоинствами. В то время, как Москве хотелось бабочек, приходилось иметь дело с чужими тараканами: Рим — безбашен, Париж — напротив, срывает башни другим, Лондон — вечно в тумане, Берлин уже взят, Магрид никак не может порвать с Барселонной, Амстердам — лигалайз, Мельбурн — ни рыба ни мясо, Мехико — душоват, Осло — пресноват, Вашингтон — шалун, Дели — веган, Минск — усат, Цюрих — сыр, Стокгольм — холодноват, Милан — пармезан, Брюссель — капуста, сколько бы ни варил шоколад, Пекин — стена, Будапешт двояк, Каир — так себе, Стамбул себе на уме, Киев слишком добр, Франкфурт на Майне, Рим хорош, вот только стар, из молодых — красавчик Нью-Йорк — щеголь, генди, франт, слишком молод и слишком богат, так много прекрасных пейзажей и изысканных слов, но дойдут ли они до тела и что скажет Питер — ее интеллигентный изысканный сын, в меру ревнивый, если не брать в расчет декабристов и попытку самоубийства из «Авроры», художник, поэт, гранит, женат на бурной Неве, живет отдельно давно, своей жизнью. Благословит или закатит еще одну революцию?

Часть 1

* * *

Он вышел на балкон и окунулся в атмосферу солнечного дня. Солнце светило. «Солнце — светило, Луна — темнило». Глубоко вздохнул. Кислород, словно шампанское, вскружил на мгновение голову, которая стала искать точку опоры в небе. Вот он, Миг счастья. Он резко взмыл высоко в небо, сделал мертвую петлю, «счастье закидывает нам ее на шею и затягивает всю оставшуюся жизнь», потом коршуном бросился вниз. Мощная стальная птица на лету схватила брошенный хлеб. Еще один Миг, а вот и еще. Скоро уже целая стая красиво нарезала воздух под балконом. Миги слетелись на хлеб. А Кирилл все бросал и бросал хлеб.

— Ты на кого батон крошишь? — появился на балконе Мефодий.

— На будущее.

— Чем оно тебе не угодило?

— Ничего не меняется. Народ так же требует хлеба и зрелищ. Все так же для счастья много не надо.

— Вот и я говорю, хорош крошить.

— Я еще не закончил мысль. Главный парадокс человечества: для счастья много не надо, а мало не хватает.

— Это ты к чему?

— В одном таком Миге счастья тысячи несбывшихся мигов счастья простых смертных.

— А мы к сложным относимся?

— К бессмертным. Вот смотри, сейчас батон кончится и Миги разлетятся. «Есть только Миг между прошлым и будущим», — сорвались с губ Кирилла знакомые слова песни.

— Именно он называется жизнь, — добавил Мефодий.

— Мне больше нравится — «за него и держись».

— Держимся пока.

Так и случилось: едва последняя крошка слетела с ладони Кирилла, как стая разлетелась, словно пилотажная группа на салоне «Ля Бурже».

— Куда они?

— Как и все, в теплые страны.

— Не все. Смотри, чайка, — показал рукой Мефодий на белый треугольник в воздухе.

— Чехова?

— Не, Баха.

— Как ты это определил? Потому что опоздала?

— Потому что не голодная, — улыбнулся Мефодий.

— Думаешь? Есть только миг между хлебом и зрением, — повторил на свой лад знакомую строчку Кирилл и похлопал по плечу друга.

Голодная чайка покрутила своей любопытной головой и, сделав несколько пируэтов, поняла, что опоздала, что хлеба больше не будет и надо лететь ловить рыбу.

В заботах незаметно пролетел понедельник, пришлось отложить начало новой жизни еще на неделю.

Кирилл закрыл папку, успев прочесть на ее обложке «Эсперанца». «Надежды тоже стареют. Даже надежды стареют», — подытожил он. Представил старую надежду, у которой начертательная геометрия налицо,

штукатурка местами отвалилась и из-за слоя времени проглядывал опыт прошлых веков, пусть средних, но своих. Обычно они ему нравились, но сегодня захотелось бежать от Средних веков, только куда от него сбежишь, кругом он — Times New Roman. Стоял, сидел, снова стоял, как гладиатор на арене Колизея, только стены вокруг и гул трибун. На трибунах крики, вздохи, руки, зубы и рты, из которых доносился текст.

Сегодня он ненавидел кухню, в смысле — эту комнату своей работы, этот кабинет, этот цех, маслобойню, где приходилось потрошить чужие души. Вся эта бумажная возня с фактами с самого утра сначала вызывала тошноту, потом изжогу, наконец, мигрень. И надо же, все приехали, будто вызов был срочный. Капельница: чай, кофе, вода, снова чай. Возможно, требовалось нечто более крепкое, но когда-то он бросил пить, а теперь уже забыл где, чтобы отыскать эту привычку и пропустить бокальчик-другой. Манипуляции со страничками, исписанными бессердечным шрифтом, занимали его время, словно он разменял свое на Times New Roman. Новым Римом здесь и не пахло. Времена другие — пахло только тоской, одиночеством, космосом, вакуумом. Ладно дали имена буквам, но кто догадался дать ФИО шрифтам?! У каждого из них теперь свой характер, свое поле деятельности, свой почерк, свой текст и, что самое скверное, — свой подтекст. Из текста слов не выкинешь, а из подтекста даже непонятно, что выкидывать и куда. Где та мусорка, куда можно выбросить подсознательное. Подтекст — это доклад подсознания, его сложносочиненное изложение, это его литература, это его инструкция. Что он туда принесет, какую заразу? Кто-то набирает полную ахинею красивым шрифтом, тем самым придавая мыслям своим красивую форму, а что в этой форме, какое содержание? Ничего. ПустОта — пустотА? Все тот же

аромат нереального одиночества. Или пустота — космос? Открытый для избранных. В этом необходимо было разобраться. Перебирая чьи-то виртуальные записи, хотелось закусить куском реальности, хотя бы небольшим, чтобы ощутить чужое, наболевшее, на контрасте почувствовать его запах и вкус. Заесть. Запить. Но это ведь на несколько дней? Запить не получалось. Хоть в прямом смысле, хоть в прекрасном. Ни кофе, ни чай, ни тем более вода, так как воды хватало и без того, не утоляли возникающей жажды. Это была не та жажда, что повозникает, повозникает и отстанет. Это была жажда вопиющего в пустыне. Реальность, как ни крути, — это лучшее доказательство, что мир существует сам по себе, а ты сам по себе и вещи сами по себе. И каждое мгновение расставляет их по своим местам. А люди взялись расставлять их сами: буквы, вещи и себе подобных. Даже мысли. Смешные. И люди смешные, и мысли. Они смеются друг над другом, в то время как хорошо смеется тот, кто умеет смеяться над собой.

«Хоть бы Мефодий зашел, что ли. Вечно заходит не вовремя, никакого чувства такта. Недостаток музыкальной школы налицо. Вот что значит, родители вовремя не отдали в музыкалку».

Он взглянул в небо. Небо было высокое как никогда. Завис на мгновение, но чувство высокого долга заставило его снова вернуться к тексту:

Задача людей — подключиться к всемирному разуму. Там розетка. Каждый солнце, если ее найдет. Важно включить это самое солнце и раздавать тепло страждущим. Любви и тепла — вот чего не хватает миру, вот отчего война. Ум и государство держат всех в страхе, он самый надежный из инструментов. Страх — это тиски, можешь сжать материал, можешь отпустить, но дефекты останутся и чувство

страха никуда не денется, просто затмит все другие чувства. Легко, непринужденно, и чувство гордости перейдет в гордыню, потом в чувство зависти, и наконец — страх. Ты чувствуешь, как иногда сваливают голову тиски, ты принимаешь на грудь, штангу весом в тонну проблем подхватывает инструктор. Главное не принять лишнего. Может пострадать тело.

Тело — передатчик, гуша — она не в голове, она в космосе, она наг телом, она наг миром.

Отбрось обязанности, административное здание закрой, перестань соревноваться, соревнование — та же зависть, только натренированная. Ты солнце, тебе некому завидовать. Ты сам себе звезда.

— Они все хотят быть звездами, в этом их проблема, — как всегда сзади подкрался Мефодий.

— Если бы только звездами. Млечный Путь — вот что им мерещится постоянно.

— Видимо кормили искусственным молоком.

— Судя по письмам, кормят до сих пор.

— Читаешь как бестселлер, — улыбнулся Мефодий.

— Ага, запоем. Запой так и напрашивается. А я как раз искал нужное слово, для определения. Точно, бестселлер. Люди считают себя лучшими, они хотят продаваться как можно лучше, как можно дольше. Не книги — теперь люди бестселлеры. Важно дороже себя продать, не важно как, голыми или смешными, не важно, под каким соусом. Хорошо, если соус будет фигурой медийной.

— Все заняты делом, в то время как рынок перенасыщен подделками.

— Всем нужны оригиналы. Оригиналы всегда в цене, а в некоторых случаях даже бесценны.

— Что-нибудь проясняется? — взял кипу бумаги со стола Мефодий.